

16+

Рябцев Павел

Рассказы нашего времени

Павел Рябцев

Рассказы нашего времени

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Рябцев П. Е.

Рассказы нашего времени / П. Е. Рябцев — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

ISBN 978-5-532-03887-5

Это истории со всего света о жизни, которую мы часто упускаем из виду.
Разные страны, разные люди, но истории об одном и общем — о человеке,
который непостижим, интересен и удивителен.

ISBN 978-5-532-03887-5

© Рябцев П. Е., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Исчезновение	5
Vivere sa vie	9
Более, чем ты	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Исчезновение

Пережив немало приятных и интересных историй в этом городе, я решил сбежать от вечного дождя, царящего здесь. Капли как будто висят в воздухе и ты чувствуешь себя цветным карпом, плывущем по бесконечной заводи императорского сада. Устав чувствовать себя рыбой, я покидаю Гуилин.

До Саньи я добирался на спальном автобусе¹. Его мне посоветовал случайно встреченный господин из Шотландии.

Сейчас я обустроиваюсь на его второй полке. Изогнутая койка сделана таким образом, чтобы разместить вас в лежащем положении, используя при этом всего лишь две трети длины вашего тела. Спать на боку становится неудобно. Остается лишь смотреть в потолок или в окно.

Кажется, здесь я единственный белый человек (в Китае говорить так не является признаком нацизма). Внизу слева, в центральном проёме, на койке лежит, развалившись, пожилая женщина. Глядя на неё, можно подумать, что она едва способна нормально передвигаться, но на ближайшей остановке она проворно выберется из своей «берлоги» и первой окажется у выхода.

Двое мужчин позади меня, они тоже едут на втором ярусе, смотрят фильм по телефону. Динамик телефона надрывно хрипит от «нечеловеческой музыки» и пронзительного завывания голосов актеров. Наверное, опять что-нибудь про летающих людей и несуществующие победы, а может быть о сентиментальных отношениях между полами.

14:10.

Одинокие величественные столпы гуилинских гор быстро сменяются стройной грядой холмов. Всё чаще встречаются пальмы, пока, правда, только на участках крестьян. Китайцы занимаются любимым делом: смотрят в экраны, где показывают фильм о тайском злодее нетрадиционной сексуальной ориентации, и грызут всевозможные снеки – от чипсов до семечек.

15:00.

На первой остановке, когда я вышел покурить и справить нужду, на глаза мне попались две милovidные азиатки. Они не были похожи на китайянок, а скорее напоминали вьетнамок: большие глаза, пухлые губы, приятные фигуры. Я не помню, чтобы они садились в автобус на автовокзале. От них пахло алкоголем и они долго возмущались, что им пришлось расположиться на одной койке, но после того, как водитель объяснил, что их место занято Лаоваем², успокоились и притихли.

Они поглядывали на меня с любопытством, пока я курил и прогуливался взад-вперед вдоль автобуса.

20:41.

Вечером, когда уже стемнело, нас привезли к месту ужина – убогая столовая рядом с заправочной станцией. Азиаты ринулись толпой сметать и поглощать всё, что было на прилавках. Первой, как и всегда, оказалась пожилая женщина, которая еще десять минут назад, когда мы только подъезжали, громко храпела на своем месте, а теперь второпях выбирала хаочи³. Подвыпившие вьетнамки не стали исключением. Разумеется, они не знали, что через час после этого их будет тошнить сегодняшним ужином. Деньги на ветер.

¹ Спальный автобус – транспорт, повсеместно распространенный в Китае.

² Лаовай (кит.) – имеет два значения: 1) иностранец, 2) невежа.

³ Хаочи (кит.) – вкусный, здесь: вкуснятина.

На приём пищи было отведено тридцать минут. Даже стоя у автобуса, я слышал металлический звон ложек о миски и причмокивание.

Я, по понятным причинам, побрезговал включиться во всеобщую трапезу, а вместо этого предпочел погулять и размяться. Мне показалось странным, что скоростная трасса осталась где-то в стороне. Должно быть, мы отклонились от маршрута и поедем через деревни, а может быть уже почти приехали к парому.

Когда наш провожатый скомандовал грузиться обратно (иначе этот процесс я назвать не могу), ожидая своей очереди я заметил, что он вернулся к кассе столовой, принял оттуда несколько купюр и быстро сунул их в карман.

За полночь.

Следующей остановкой стал порт, где автобусу предстояло заехать на паром. Все вышли из автобуса с билетами наготове – видимо ведется учет въезжающих на остров.

Среди стоящих на улице пассажиров я не нашел полюбившихся мне «вьетнамских звещушек», как я их прозвал. Они остались в автобусе. Провожатый зашторил окна. Все понятно – они безбилетницы, пробирающиеся на остров нелегально.

Наверно, забились под кровать первых ярусов, где обычно стоят грязные сумки, разбросан мусор и разлито что-то липкое. Лежат, и боятся дышать. А когда досмотровый станет проходить по рядам, у них сведёт мышцы от напряжения и зрачки сузятся. Досмотровый вместе с провожатым вернуться в кабинет инспектора, где провожатый будет умалывать взять деньги, потому что и так «все понятно»; ему будут мешать непрерывно заходящие и выходящие люди, которым тоже «все понятно»; и обнаглевший инспектор, вдоволь натешившись этим ежедневным зрелищем (он его любит, что тут подделаешь?), ленивым движением выдвинет ящик стола и провожатый, счастливый и довольный от того, что он унижился в достаточной мере, чтобы инспектор дал согласие, положит две красные бумажки – по одной «за голову».

Наверное, потом, когда мы доберемся до конечной станции, все пассажиры разойдутся, гремя чемоданами: кто в поисках гостиницы, а кто в поисках работы; а две «вьетнамские звещушки» останутся в автобусе, чтобы отблагодарить своих благодетелей.

Через пол часа после этого.

На пароме было грязно, воняло растворимой лапшой, которую без перерыва ели те же люди, которые еще два часа назад уминали горы риса и прочего в столовой у заправочной станции.

Здесь тоже показывали кино. Про группу солдат НОАК⁴, которые впятером громят целые батальоны неприятеля (солдат армии Гоминдана), одной пулей убивая по десять человек. Это уже в конце фильма, когда победа станет очевидной, эти пятеро каким-то образом превратятся в целую армию. Я не знаю, как это сходится с привычной нам логикой. Это Китай – здесь логика не главное.

Я поднялся из этого хаоса счастья на верхнюю палубу. Ржавое судно уверено шло своим курсом, со скрипом покачиваясь на волнах. Дул сильный юго-восточный ветер. В темноте моря здесь и там виднелись огоньки рыбацких шхун, маяки ботинок и прожектора барж.

Я стоял на корме и смотрел куда-то за горизонт, вдыхая морской ветер.

Через час выгрузят на берег, а там еще пять часов и я в Санья, в вечных тропиках. Картинки с пальмами и белым мягким песком оживут. Меня встретят девушки, которые всегда встречают туристов у трапа самолета на Гавайях. Они будут петь мне свои островные песни, а я, покачиваясь в гамаке, буду пить молоко, прямо из кокоса, через трубочку, и любоваться утопающим в океане закатным солнцем. По-другому и быть не может.

На рассвете.

⁴ НОАК – Национальная Освободительная Армия Китая, подчинявшаяся во время революции Мао Дзе Дуну.

Хайкоу – главный порт острова Хайнань, куда пришел наш паром, оказался убогим городишкой.

Спать не хотелось. Я достал блокнот и ручку, решил написать что-нибудь. Что это будет – пока не знаю, главное начать.

Я осмотрелся по сторонам. Некоторые пассажиры вышли, остальные занимались своими делами. Одни мирно посапывали, другие читали газеты, мужчины позади меня снова запустили зануднейшее кино. «Вьетнамские зверушки» наконец-то смогли лечь на разные койки и мгновенно уснули.

На дальней койке по диагонали от меня я увидел светлокожую мужскую руку. Пригляделся – ну да, европеец! Видимо, он подсел здесь, в Хайкоу. Позже на остановке я познакомлюсь с ним.

– Рэбис. – Представляюсь я. – Приятно познакомиться!

– Жан Поль. – Назовет он мне свое имя.

Более мы не перекинемся и парой слов.

Потерял счет времени.

В голове возникла идея будущего рассказа. А что если сейчас, в этот самый момент, когда мы отправляемся из Хайкоу, навстречу нам выезжает точно такой же автобус из Санья. Пассажиры в нем те же. Мы едем навстречу друг другу, подобно тому, как сходятся двойники в зеркале. Ну что же, если мы ничем не отличаемся, то и знать, что будет происходить с тем вторым автобусом, должно быть, не сложно.

Автобус серого цвета с изображением зеленого гепарда на борту выйдет с городского автовокзала города Санья. Он поедет, как и мы, по центральному скоростному шоссе, смещенному к восточному побережью. Пассажиры этого автобуса увидят то же, что и мы, только в обратной последовательности и с другой стороны. То есть я лежу справа у окна и буду видеть горы, а тот человек, лежащий на моем месте и, по сути являющийся мной, увидит побережье. С Жан Полем все произойдет с точностью до наоборот.

Зевнула женщина.

Итак, наши автобусы летят на встречу друг другу. Их автобус вышел из города и миновал улицу, где продают строительные материалы. Я чихнул. Наверно, они добрались до места, где изготавливают пенобетонные блоки. Удушливый запах цемента заставил его, да и меня, неприятно поморщиться. Платок в левом кармане. Совсем забыл – для тебя в правом.

Не стоит переживать: вскоре пейзаж сменится плантациями пальм и кустами похожими на виноград. И ты, я, любуясь видом, забудем о неприятных ощущениях.

После автобус въедет в тоннель и на мгновение ему, мне, станет темно и прохладно. И совсем не из-за кондиционера, который моментально ударит холодом. А потому, что мы не любим тоннели – эти бетонные кишки, где, как на пороге смерти, есть только одна яркая светлая точка где-то вдалеке.

Колеса будут наматывать километры. С каждым оборотом колеса мы будем приближаться друг к другу.

Внезапно солнце скроется за тучами, подует северный ветер и начнется дождь. Не просто дождь, а тропический ливень, когда падают капли размером с горошину.

Я отвлекся от блокнота и посмотрел в окно. К моему удивлению, только что ярко светившее солнце скрылось за тучами, небо стало мрачным и тяжелым.

По телевизору показывали «Международный фестиваль танцевальной музыки 2007 в Санья». Белые, преимущественно американские лица, с наслаждением отплясывают под бездарно сведенные китайскими ди-джеями треки китайских же песен. Это ужасное зрелище.

За окном начался сильный дождь. Огромные капли били в стекло, разбиваясь у меня прямо перед носом.

Должно быть, второй автобус тоже находится в зоне дождя. А значит, мы скоро встретимся. Мы пролетим мимо на бешеной скорости, окатив друг друга водой из под колес. Водители переглянутся, и кивнут своим отраженным копиям.

Нет!

Всё будет не так. Стройность и однообразие, четкую симметрию, которую нам дарит зеркало, необходимо разрушить.

Для чего?

Для того, чтобы не было «как всегда», чтобы стало, наконец, интересно.

Итак, ливень, скоростная магистраль, и автобус, летящий себе на встречу. Случится вот что: автобус, идущий из Санья в Хайкоу, внезапно потеряет управление на сырой дороге и его занесет в тот самый момент, когда он поравняется со своим двойником и они столкнутся. Правым боком он влетит в наше ветровое стекло. Водитель нашего автобуса и впереди сидящие пассажиры скончаются от полученных травм. Остальные повалятся со своих полок, ломая руки и шеи. В том автобусе по правому борту выбьет все стекла. Они больно вонзятся в тела пассажиров. Возможно, даже случится пожар и обе машины, в конечном счете, взлетят на воздух, отправив нас всех на тот свет.

Я почесал затылок карандашом и всерьез задумался над финалом этой истории. Нужно подумать, как будет лучше.

Я высунулся со своего места, чтобы размять затекшую спину и посмотрел через ветровое стекло на дорогу. Дождь усилился. Навстречу нам на высокой скорости ехал серый автобус. Я смог разглядеть зеленого гепарда на его борту.

Его неожиданно повело, крутануло и вынесло на встречную полосу. Он летел прямо на нас. Одновременно раздался скрип тормозов – наш водитель среагировал.

Я крепко схватился за поручень своей койки и зажмурился. Я ждал удара, но его не последовало. Не было ни звона разбитых стекол, ни скрежета раздираемого металла, ни криков пассажиров. Ничего.

Контуры летевшего на нас тела потеряли четкость. Теперь это был уже не автобус, а какое-то серое пятно огромных размеров. И мы находились сейчас не в спальном автобусе, а в таком же сером пятне с расплывшимися очертаниями. Они наложились друг на друга во времени и пространстве.

Фигуры на мгновение совпали. И я увидел свои глаза.

Vivere sa vie

Солнечный день, столь редкий в наших широтах, не радовал меня. Я щурился от его лучей, опускал стекло двери, искал солнечные очки и не находил их. Радио рассказывало о курсах валют, ценах на нефть, опять кого-то убили и кто-то украл большую сумму, а теперь его судят и он признался, что боится этого. Город шипел в пробках. Я был в середине многострадального затора перед поворотом на мост. Как обычно в таких случаях, я нарушал правила, остановившись во втором ряду. Я был далеко не первым в этой очереди нарушителей, и не мог себе никогда ответить в такие моменты, почему большинство людей стоят в толстой длинной очереди правого ряда, а в левом ряду, в ряду нарушителей, их всегда меньше. Как говорят, хороших людей больше? Есть такое правило, убеждение, которое, на мой взгляд и связано с самой надеждой. Надежда – это всегда что-то светлое, ясное и недостижимое. Как искренняя любовь без денег. Но было не до сентиментальных мечтаний и надежд. Город шипел в пробке, а я прикинулся плохим парнем, который готов нарушать правила, чтобы быстрее проехать пробку.

Я увидел тебя внезапно. Точнее не тебя, а до кончиков пальцев похожую на тебя девушку. Сначала я так и подумал, что это ты, но я же понимаю, что это не можешь быть ты, ведь это не твоя машина и не твоя жизнь, которая окружена границами этой машины. Позади меня стоял белый Бентли, в котором ты, которая была не ты, а твоя копия, красила губы, которые были точь-в-точь как твои, держа в руке, которая была точной копией твоей руки, кисточку. Удивительно, что одежду эту я уже видел на тебе. Это что-то типа накидки. Ты одевала ее как-то раз на деловую встречу и я помню, как тогда восхищался тобой. Впрочем, как и всегда я восхищался твоей красотой. Я присмотрелся в зеркало заднего вида. Даже маникюр, которым ты недавно хвасталась и демонстрировала его по видео-телефону, был такой же. Господи, подумал я, вот это сходство. Действительно, люди имеют своих двойников. И видно было, что сидевшая в Бентли, такого же высокого роста как и ты. Близнецы не бывают так похожи, как эта девушка похожа на тебя. Я стал вспоминать.

Память несла меня по закоулкам нашей с тобой совместной жизни. Казалось, я как человек, который чувствует дыхание смерти в затылок, в одно мгновение вспоминает всю свою жизнь. Передо мной неслись, одна за другой, картинки. Глаз успевал отметить мельчайшие детали. Я целую тебя, мы смотрим друг другу в глаза и молчим, ты смотришь в окно, ты держишь бокал в руке и будто загадываешь желание, я готовлю ужин, а ты еще в пути по дороге домой... разноцветные точки моей и твоей жизни. Совсем недавно было так, а теперь ты будто отошла в сторону. И я стал первый раз в жизни одиноким. Я чувствую себя одиноким. Будто я сижу в палате, мне трудно обслуживать себя, я очень стар и ко мне никто приходит. Все забыли обо мне. Но все – это ты, а палата – это моя жизнь. Да, конечно, ты иногда пишешь мне и даже звонила на днях. Спрашивала как у меня дела, все ли в порядке, а я отвечал что-то; что-то общее, простое и не про себя.

Но раз уж так получилось и я увидел твоего двойника в автомобиле, стоящем за моим, неужели это не повод написать тебе, хотя бы сообщение. Я думаю, что тебе будет интересно узнать об этом. Ты, наверное, удивишься и будешь расспрашивать об этой девушке всё, и зная тебя, ты попросишь сфотографировать её, ну хоть как-нибудь, в зеркале или через заднее стекло, но чтобы были доказательства. А я не успею сделать фотографию, потому что уже изменился и мой маршрут, и маршрут машины, которая следовала за мной с точной копией тебя внутри. Теперь мы далеки друг от друга и, признаться я уже потерял её из виду, но запомнил всё, что увидел, и это я и собираюсь тебе рассказать.

В мессенджере сохранены все наши слова и картинки. Я берегу их и берегу текст. Я перечитываю его и помню написанное почти дословно. Такое ощущение, что я давно тебе

не писал, а казалось, ещё минуту назад, что писал совсем недавно и ты даже отвечала мне. Палец нерешительно завис над кнопками на экране телефона. Как же начать? Я обращаю внимание на дату твоего последнего сообщения. Холодный пот проступает по спине. Это было четыре года назад, а совсем не вчера и не позавчера. Я с удивлением обнаруживаю то, чего раньше просто не видел. Это твое последнее сообщение, которое ты мне отпраляла. Четыре года назад и три месяца. Медленно читаю его: «Жить своей жизнью».

Белее, чем ты

Красный Шевролет исчез за углом и только рокот его мотора в этой крошечной тьме говорил, что он ещё рядом. Я проводил глазами на слух невидимый теперь уже автомобиль и, переборов желание курить, шагнул в темный подъезд и стал на ощупь подниматься по узкой крутой лестнице. Даже в темноте я чувствовал её мраморные ступени. Роскошь затерялась здесь в самых неожиданных местах.

Моя касса партикуляр⁵ отличалась от известных мне красной табличкой при входе⁶. Из мебели – кровать, большой шкаф в колониальном стиле, стол. Все из красного дерева⁷. Из удобств – французский балкон и деревянный сломанный вентилятор под потолком. Не люстры, а лампочки на проводах; не микроволновая печь, а плитка с газовым баллоном; не горячая вода, но плохо работающий водонагреватель⁸

Я поспешил поставить свой небольшой чемодан в углу комнаты и подошёл к окну. За деревянными ставнями скрывалось небо, усыпанное звездами, словно драгоценными камнями. С моря шёл соленый запах, от которого щекочет в носу. Захотелось сигару и немного рома. С завтрашнего дня я так буду делать, но сейчас, в столь поздний час, мне негде взять ни того, ни другого; и потому я, давимый перелетом и разницей во времени, валюсь с ног в неразобранную кровать.

Теплое молоко с маслом и медом, чёрный чай по вечерам, туман на весь день, снег, и пресный запах реки родного города остались далеко позади, словно в мутном сумрачном забытии; они то проявляются, то вновь исчезают, оставляя меня наедине с моей новой реальностью, с моей новой жизнью. То, будто иной мир, существует для меня в некой параллельной вселенной, которой не суждено пересечься с этой.

Я проснулся от шума машин за окном – жизнь во всю кипела на улицах Гаваны. На часах было за полдень. Действительно, адаптация займет время. Но ничего, время приступить к тому, ради чего я приехал сюда.

Моей задачей является не только увидеть, но и понять, что из себя представляет умирающий в наше время, почти не распространенный на планете коммунистический режим и написать об этом статью. Я помню о нём из рассказов родителей, бабушка и дедушка рассказывали еще больше, особенно о том времени, когда в моей стране было особенно тяжело и страна с новой властью была ещё молода. И такое у меня складывалось впечатление, что все были молоды в то время, активны, целеустремленны и имели глубоко-глубоко внутри себя настоящую Мечту, лелея и храня её. Я помню.

⁵ «...касса партикуляр» – casa particular (исп.) – официально зарегистрированные апартаменты для сдачи в аренду.

⁶ «...красной табличкой при входе» – существует два типа табличек для касса партикуляр. Синие – означают, что апартаменты сдаются всем: и иностранцам, и кубинцам; красные таблички означают, что сдача в аренду возможна только кубинцам. Цвет таблички определяется количеством и качеством удобств, что влияет на стоимость аренды.

⁷ «Все из красного дерева» – на Кубе обитают насекомые, которые едят дерево. Они были завезены с черными рабами и не встретив соперничающего или опасного для себя вида, быстро распространились по всей Кубе. Они не уничтожают только красное и черное дерево, поэтому мебель предпочитают из этих пород. Нередки случаи, когда двери с петель отваливаются именно из-за активности этих насекомых.

⁸ «...плохо работающий водонагреватель» – на Кубе нет горячего водоснабжения и централизованной подачи воды в каждую квартиру. Вместо этого вода подается естественным путем из баков, расположенных на крыше, которые наполняются с помощью насосов из резервуаров на первых этажах зданий. Вода нагревается с помощью электронагревателей. Чаще всего в касса партикуляр они будут не очень новые – техника на Кубе очень дорогая и чаще всего ее приобретают в кредит.

Итак, с чего же начать? Конечно, я знаю, что должен нести и содержать в себе социализм, я читал об этом. Нужно проверить, как на самом деле обстоят дела здесь. Вдруг, половина из того, что я слышал – выдумки. Но ведь важно не только то, как это должно быть, а то, как это получилось у них. Что Революция принесла не только самим кубинцам, но и системе, которая была полностью изменена? Я вспоминаю признание Диего⁹: «У меня проблема с системой». Я не заметил, как закурил Креольские¹⁰, чашка с горячим терпким кофе была у меня в руках, а я в этот момент остановился у своего французского балкона и осматривал горизонт зданий. Город ждал меня. Я не хотел заставлять его ждать, и потому поспешил выйти на улицу и отправился на свою первую встречу с Кубой – на Площадь Революции. Мой водитель Хусто отвезет меня туда.

На самом деле Хусто никакой не водитель. Он работает в аэропорту механиком. Учился в Союзе и до сих пор, хотя уже и не так хорошо, говорит по-русски. Говорит он несколько забавно, как-будто рассказывает сказку таким голосом, которым обычно её и рассказывают. Когда он хочет сказать мне, что по этой набережной люди прогуливались и это была первая набережная в Гаване, он говорит: «Первая набережная, богатые люди ходили туда-сюда». И я представляю этих людей во всех деталях и подробностях с той же уверенностью, если бы мне описали их досконально. Бедный Хусто. Он зарабатывает не больше 40 долларов в месяц, теперь его отправили в отпуск на 11 дней. Но я же понимаю, что это никакой не отпуск.

На площади Революции пусто, как в рабочий день в церкви. За спиной Хосе Марти возвышается невыразительное сооружение, которую в иных условиях я принял бы за странную пагоду. Слева и справа на Марти строго смотрят со зданий министерств контурные лица Че и Фиделя. Я покидаю площадь ни с чем.

Пока мы едем обратно к Малекону, мне удастся разговорить Хусто и он рассказывает мне про карточную систему продуктов питания. По этим карточкам гарантировано получение некоторых продуктов по бросовой цене. В доказательство своих слов он завозит меня в бodega¹¹. Ею оказывается серое помещение с серыми стенами. Здесь всё такое, тусклый свет лишь это подчеркивает. Торговля идёт быстро, люди стоят в очереди молча. Скоро становится ясно почему. На один кук¹² мы покупаем десять батонов хлеба. Удивительно. Например, мороженное стоит три с половиной кука. Я негодную и радуюсь одновременно. Социализм начинает открывать мне свое подлинное лицо.

Хусто довез белого туриста обратно до дома. Хлеб, купленный в бodega, турист разделил на две части и отдал пять батонов ему. Если бы он знал, что так выйдет, то, конечно же не стал бы брать только хлеб на целый кук, а взял бы еще что-нибудь. Но он-то разумел, что турист хочет развлечений и Хусто ему их честно обеспечил. Тем более хлеб, что называется, не долларовый – тесто сероватое, мякиш твердый.

Чем заняться теперь, когда он больше не нужен? Он заработал семь долларов за поездку от Малекона до площади Революции и обратно. Очень неплохо. Можно было бы попросить и десять долларов, и эта цена так бы и сохранилась на все время пребывания туриста в Гаване. Но он не стал просить больше. Это его, Хусто, рекомендовали туристу, а могли и не порекомендовать и сидел бы сейчас он дома без заработка. Ему последнее время не нравилось про-

⁹ «Я вспоминаю признание Диего...» – имеется в виду герой фильма «Клубничное и шоколадное».

¹⁰ «...закурил Креольские...» – сигареты, которые курят простые кубинцы из-за их низкой стоимости – 6 песо за пачку.

¹¹ «...завозит меня в бodega» – в магазин, где выдают товары по карточкам и имеется несколько товаров за деньги. Например, один вид хлеба может выдаваться только по карточкам, а другой доступен для покупки.

¹² «На один кук...» – Куба, пожалуй единственная страна, где есть две официальные валюты: национальный песо и конвертируемый. Второй обменивается один к одному с долларом и продается иностранцам в обменных пунктах. Так власти когда-то решили вопрос с запретом на хождение иностранных валют на территории Кубы. В магазинах и на рынках принимают и тот, и другой вид песо. Сдача выдается в любом виде.

водить время дома из-за сантерийцев¹³, к которым часто приезжали просители. Точнее, не из-за сантерийцев, а из-за просителей. Их было слишком много, машины сменяли одна другую каждые пол часа и это движение нарушало его ритм, совсем иной и более медленный. Ведь что такое день у Хусто? Это либо работа в аэропорту, либо туристы. Но Хусто не таксист, его просто рекомендуют вновь прибывшим и только из России, потому что, так уж получилось, он знает одну женщину из посольской школы, а она уже рекомендует его. Сама женщина русская, но живет она здесь давно. Её зовут Нина. И вот все дела Хусто.

Зато забот – выше Капитолия. Машина все время ломается, а запчастей нет. Их нет, потому что китайцы машины поставили, а запчасти не поставили. Или правительство закупило только машины, но не закупило запчасти. Он этого не знает. Он знает, что сегодня нужно заехать к другу, который тоже работает в аэропорту, но его ещё не попросили уйти в отпуск на несколько недель.

В аэропорту есть цех со станками, где ему должны попробовать сделать запчасть для машины. Если не получится, то он останется с одним сломанным стеклом. Скорее всего, навсегда. Вообще, машина у Хусто считается хорошая. Достаточно новая – всего пять лет. Только купил он её, потому что её списывали с предприятия, где он отработал пятнадцать лет и был следующим на очереди. За это время тот, кто водил её, особо не щадил. Вот поэтому Хусто постоянно её чинит, но не жалуется.

В принципе, времени сейчас хватает. Можно поехать и на море. Правда, холодновато, все-таки зима¹⁴, но полежать на пляже всегда приятно. Но он не поедет. Потому что это бензин, а бензин приходится покупать за куки. Возможно, белый турист соберется отдохнуть в Гавана Клуб или, ещё лучше, в Варадеро. Тогда и он, Хусто, не преминёт воспользоваться случаем.

Сегодня никуда не надо. Поэтому он никуда не пойдет. Продукты можно купить и завтра, тем более рынок уже закрыт, а в бodegaх брать нечего. Лучше выпить белого рома, у него как раз остался пакет¹⁵ от предыдущего туриста. Тот хотел попробовать, что это такое и купил сразу несколько, но после первого же пакета ему разонравилось. Это, конечно, не старый Сантьяго да Куба¹⁶, но для него, Хусто, как и для остальных его соотечественников, этот ром вполне подходит. Пусть туристам льют его исключительно в коктейли, потому что там вкус не разберешь, пусть, а он выпьет, ему подходит. Так думал Хусто, потягивая ром, медленно покачиваясь на своей меседоре¹⁷

Уже несколько дней я шатаюсь по Гавана Вьеха¹⁸, наблюдая и подслушивая. Я хочу посмотреть за жизнью кубинцев, чтобы узнать правду. Для этого я стал одеваться как кубинцы, то есть никаких рюкзаков, шортов, и уж тем более гуавейры¹⁹. Я кое-что понял за эти дни и вот что я вам скажу: в этой стране социализма есть классовость, причём классовость на уровне режи-

¹³ «...из-за сантерийцев...» – имеются в виду последователи культа сантерии – вероучения, пришедшего на Кубу вместе с черными рабам. Чрезвычайно популярный вид верования на Кубе. Отличается наличием обрядов жертвоприношения.

¹⁴ «...все-таки зима» – зима – начало туристического сезона на Кубе. Становится не так жарко, поэтому большая часть туристов приезжают с февраля по март. Местные жители в это время года не купаются и предпочитают носить зимние ботинки и шарфы.

¹⁵ «...остался пакет...» – есть на Кубе один вид и марка рома, который разливают в картонные пакеты, подобно соку.

¹⁶ «...старый Сантьяго да Куба...» – не только город, но марка рома, который на Кубе считается лучшим.

¹⁷ «...покачиваясь на своей меседоре» – mesedora (исп.) – кресло-качалка, обязательный атрибут мебели в кубинском доме. Как говорят Кубинцы, на меседоре проходит вся жизнь. Это очень удобная и практичная мебель – на меседоре удобнее укачивать ребенка, лучше отдыхать, легче заснуть.

¹⁸ «...шатаюсь по Гавана Вьеха» – Habana Vieja (исп.) – старый район города, построенный колонистами-испанцам. В остальной части города улицы пронумерованы по манере Нью-Йорка, а здесь они все имеют названия. Здесь же сосредоточена большая часть памятников культуры, музеев и лучших заведений.

¹⁹ «...тем более гуавейры» – guaveira (исп.) – особая рубашка с короткими рукавами и четырьмя карманами, преимущественно сделана из льна, признаваемая во всей Латинской Америке, как официальная одежда для деловых встреч. В Гаване гуавейру в повседневной жизни носят либо официанты во время рабочей смены, либо туристы.

мов. Думаю, как только правительство породило две валюты, так и произошло расслоение. Я пью чудесный кофе в «Эль Эскориал» или ужинаю во «Флоридите» или «Ла Марине» – это не мир социализма. Это настоящий капитализм с холёными кубинцами, которые рады услужить мне за доллары. Попрошайки на улицах или обманщики в кофейне Луз, что продают вам за куки то, что написано в песо²⁰, и даже работники музеев, проводящие экскурсии «только для вас» на ломаном английском или даже на испанском, и им не важно, что вы его не понимаете, заглядывают в глаза после рассказа и даже тянут раскрытую ладонь. Все это мир капитализма на Острове Свободы.

А вот мир социализма: песовые магазины; продукты по карточкам; низкие, но примерно одинаковые зарплаты; бесплатное образование; бесплатная медицина; театр за 10 песо; бесплатное жильё.

Но одно не соотносится с другим, потому что невозможно, зарабатывая в десятки раз больше оставаться тем же, кто зарабатывает в десятки раз меньше. Получая, хотя для Кубы вернее будет говорить «выручая», четыреста куков в месяц вы не хотите быть Хусто. Более того, вы хотите показать окружающим, что вы не Хусто. Тем более, за это вас никто не накажет. Как сказал один черный своей белой соседке: «У меня есть машина, а у тебя нет. Я белее, чем ты».

Мне грустно от того, что присущая человеку жажда потребления разрывает всю систему, выстроенную на Кубе после Революции. Правила капитализма разрушат прежде всего те принципы социализма, которые присущи самой личности человека.

Помню, как я сам чуть не стал жертвой мошенников – с виду простой кубинской пары. Я встретил их случайно, как мне показалось, но теперь я понимаю, что это они нашли меня. Началось все с того, что я смотрел в карту, чтобы понять как пройти от Капитолия до Старой площади. Я знал, что мне нужно найти улицу Флорида, по которой я и смогу добраться. Невзначай ко мне подошел черный мужчина с супругой и поинтересовался, что я ищу. Я объяснил ему, но он сказал, что есть места поинтереснее, и он готов проводить меня на фестиваль фламенко. Я с радостью согласился, допустив тем самым ошибку. Капкан захлопнулся тогда, когда я последовал за ним. Потом они стали нарочито любезными, а став моими «друзьями» начали просить денег, конечно же «по дружбе».

Уродливое лицо капитализма, ловко описано Марксом, проявляется здесь как никогда явно: «Нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист ради трёхсот процентной прибыли». И он идет, как идут и другие капиталисты во всем мире. Просто на Кубе у этой игры пока нет четких правил, а значит, такие «преступления» видны явно и их гнилостный запах заполняет легкие и заставляет неприятно морщиться похлеще любого залежалого пищевого мусора, баки с которым можно увидеть чуть ли не в каждом квартале. Мусор всегда можно вывезти на свалку, закопать в конце концов, а что делать с человеком?

Я размышляю на эту тему, сидя на тридцать третьем этаже здания Фокса – самый высокий бар в городе. Время около шести – значит скоро стемнеет. Солнце уже на горизонте, ещё минута и оно утонет в океане, погрузившись в него как терпящий бедствие теплоход – быстро и уверенно. Моментально зажгутся огни: сначала чёткие линии улиц, а потом и в окнах домов.

Заказываю еще один мохито, который здесь бесподобен. Мужчина, очень похожий на Джо Дассена, поёт на испанском и играет на клавишах. Мне хорошо, но когда становится хорошо, это значит, что пора уходить. Так я и делаю.

– Грациас, сеньор!²¹ – говорю я официанту, протягивая деньги. Меня вновь тянет на Малекон и я спешу к лифту.

²⁰ «... что написано в песо...» – из-за наличия двух валют в мелких заведениях и на рынках продавцы могут иметь соблазн обмануть туриста, тем более даже цена в песо всегда имеет значок доллара.

²¹ Грациас, сеньор – Gracias señor (исп.) – Спасибо, господин.

Я выхожу к Малекону по девятнадцатой, справа от меня возвышается величественный Насиональ²². Эта часть набережной считается местом сбора мариконов²³. Видимо из-за прохладного ветра и прибое народу здесь немного. Гаванцы любят сидеть прямо на парапете и смотреть в сторону Флориды. До Ки Уэст всего девяносто миль отсюда. Там у многих уже давно работают и живут родственники и регулярно отправляют деньги. И до сих пор многие уезжают, чтобы кто-то так же сидел на парапете и ждал очередного перевода, глядя в сторону Флориды.

Несмотря на боязнь высоты, я решаюсь сесть на парапет и закурываю уже привычные мне Креольские. Хорошо бы сделать пару глотков рома. В голове борются два плана, как провести вечер. Два желания. Я могу поехать в Мизон²⁴ и найти там спутницу на ночь или на неделю, а могу остаться здесь и дышать морем, а потом поеду домой. Когда не можешь выбрать, нужно выбирать среднее. Поэтому, докурив, я ловлю первую попавшуюся машину.

– Буэнос тардас. Вамос а Майсон.²⁵

Это оказался синий Шевроле пятьдесят седьмого года без центральных стоек. Шикарная машина. Обшивка в салоне из металла и выкрашена в цвет кузова, сидения перетянуты светлым кожзамом. Водитель – сухой мужчина низкого роста в костюме. Если бы не щетина, я подумал бы, что ребенок управляет автомобилем – настолько огромен салон Шевроле. Оказалось, что мой водитель знает русский. Он учился в Союзе на механика тепловозов. Так получилось, что он выучился, но на Кубе не появились тепловозы. Отношения с Союзом были разрушены и теперь надежды на то, что тепловозы пойдут по железным дорогам Кубы, развеялись даже у него.

– Откуда же у вас такая шикарная машина? – недоумеваю я.

– Я купил её за десять тысяч²⁶. Брат работает в США. Он прислал мне деньги. – Ему сложно строить длинные фразы на русском, но он старается. Улыбка появляется на его лице, когда он рассказывает мне о своей учебе в Советском Союзе. И он снова возвращается к тому, с чего начал. – Потом восстановил. Я же механик.

В Мизоне уже весело – округу сотрясают ритмы Вивир ми вида²⁷. Водитель просит восемь, я отдаю ему десят и выхожу из машины. Внутри клуба яблоку негде упасть – столы заняты туристами, а вокруг них стоят девушки и ждут своего часа. Музыка играет настолько громко, что невозможно расслышать официанта, который кричит тебе на ухо, что рыбы нет, но коктейли отличные.

Внезапно начинается модный показ. Модели очаровательны, но одежда местного дизайнера безлика и скучна. Допив действительно неплохой мохито, я покидаю Мэйсон и отправляюсь на пятую.

Ночью эта шумная «посольская» улица безлюдная, тихая и на удивление плохо освещённая. Я шёл по бульвару в сторону Малекона. Через пару кварталов я услышал слева от себя неловкое «Хэллоу». В темноте с трудом удалось различить женский силуэт.

– Ке коза²⁸? – машинально ответил я.

²² «...величественный Насиональ» – старая гостиница, расположенная на Малеконе. Считается самой именитой в Гаване. Все значимые мировые персоны, приезжавшие в Гавану, проживали здесь, кроме Хэммингуэя, который жил один год в Амбос Мундос.

²³ «...местом сбора мариконов» – maricon (исп.) – жаргонное выражение, обозначающее педераста.

²⁴ «...могу поехать в Мизон...» – La Maison – название сети привилегированных государственных центров досуги отдыха. Включают в себя магазины, ресторан, который в ночное время работает как клуб, часто салон красоты, зону с бассейном.

²⁵ Буэнос тардас. Вамос а Майсон – Buenos tardes. Vamos a Maison (исп.) – Добрый вечер. Едем в Мизон.

²⁶ «...купил её за десять тысяч» – цена, разумеется, в долларах США. Автомобили на Кубе очень дорогие не только для кубинцев, но и для приезжих, так как цены на них очень завышены.

²⁷ «...ритмы Вивир ми вида» – Vivir mi vida – хит Марка Энтони.

²⁸ Ке куза – Che cosa (итал.) – В чем дело?

– Кумо естас²⁹? – я с трудом уловил смысл этой простой фразы так похожей на знакомый мне итальянский язык.

– Тутто бене³⁰. – Ответил я, не вспомнив ничего на испанском, но догадываясь, что моя фраза будет понятна девушке.

Она встала и приблизилась ко мне. Теперь я отчетливо видел её и мог разобрать красивую фигуру в обтягивающем платье, светлые крашенные волосы и миловидные черты лица мулатки. Через мгновение ее рука коснулась моей щеки.

– Куэрэс ир коминго?³¹ – сказав это она посмотрела мне прямо в глаза. Я не мог и не хотел отказываться. Почему? Не знаю. Может быть, потому что это остров Свободы и я уже привык к безопасности.

– Вамос а каса миа³². – Прошептал я и взял её за руку.

Он понравился ей сразу же, как только она увидела его силуэт в темноте. Она прислушивалась к шагам и одновременно пристально смотрела в темноту. «Этот человек не может быть плохим» – подумала она, решив во что бы то ни стало заговорить с ним. На Кубе никогда не молчат, когда хотят заговорить.

Раз ей не страшно, то все должно пойти как по маслу. Она знает, что красива и не хуже других девушек с пятой может применять «особые приёмчики», чтобы понравиться мужчине. Это её коронное касание щеки ладонью, взгляд – она точно знает, что нужно делать, чтобы у него не осталось сомнений. Движения выучены; даже походка, легкая и уверенная, – она тренировать ни один месяц, в перерывах между её настоящей работой и этой, прежде, чем стать такой. Пока она ещё плохо говорит по-английски и это единственное, что её по-настоящему пугает – заговорить по-английски.

Ей очень понравилось, что он взял её за руку. Так, невзначай, вложил ее ладонь в свою, и они отправились по ночной Гаване на ту сторону реки Альмендарес. Ничего особенного, но ведь любой женщине, даже самой сильной всегда хочется иметь возможность побыть слабой, и, оказавшись в его ладони, она наконец-то почувствовала, что у неё есть теперь эта возможность.

Как странно чувствовать себя счастливой и связывать это счастье с человеком, приехавшим из другой страны. Тем более, что всё непривычно: другие объятия, другие поцелуи, другой запах, другой взгляд – все другое, но не чужое, не чуждое.

Болтали всю ночь! Она на своем ломанном английском, уже без тени смущения, и он, на красивом, но двояком итальянском.

Шептались! Как дети малые залезают под одеяло и шепчутся там, в темноте, и чувство в этот момент такое, будто вы вдвоём на всем белом свете, а больше никого нет, только снежная пустыня со своими холодными гулкими ветрами.

Да, он другой! Но не чужой и не чуждый. Кажется, Белинда наконец-то влюбилась и это чувство оказалось для неё новым.

Она проснулась одна. Его не было рядом, никого не было. Она хотела позвать его, но вспомнила, что она не спросила как его зовут, а он не представлялся. Так она помнила. Ветер гнал волну на занавесках, но как-то лениво, нехотя. Дверь скрипнула и на пороге появился он, а в руках у него были два бумажных пакета с надписью Эскориал³³. В одном оказалось два картонных стаканчика с кофе, а в другом круассаны.

²⁹ Кумо естас – Como estas (исп.) – Как дела?

³⁰ Тутто бене – Tutto bene (итал.) – Все хорошо.

³¹ Куэрэс ир коминго – Quieres ir conmigo (исп.) – Хотите пойти со мной?

³² Вамос а каса миа – Vamos a casa mía (исп.) – Пойдем ко мне домой.

³³ «...с надписью Эскориал» – El Escorial – по мнению автора лучшая кофейня во всей Гаване.

– Корнетти е кафе³⁴! – С восторгом выпалил он протягивая ей пакеты. – Она улыбнулась в ответ.

– Корнет – это документ. Как паспорт.

Они оба засмеялись. Кофе оказался на удивление вкусным, да каким! Она знала, что раньше не пила такой. А круассан! Чудо! Это было чудо.

– Я хочу пригласить тебя в театр Мелла на балет. – Она смотрела на него, облизывала свои красивые пальчики после круассана и не верила своим ушам. Никто. Никто! Не приглашал её в Мелла на балет. До него.

Так и пошло дальше. Они ходили на балет, на набережную, на тридцать третий этаж и даже забирались на холм к статуе Христа, что точь-в-точь, как в Рио. Это время тянулось как льется водка, полежавшая пару часов в морозильной камере. Тягучее счастье обволокло их и они, никуда не спеша и ничего не требуя, наслаждались этим погружением. Ему нравилось её тело, её ласки, ровная белоснежная улыбка, но его пугало то, что она так беззаветно приняла его, то есть полюбила. «У нас так не принято» – думал он пораженный, вспоминая о женщинах из своей страны. Такая любовь исчезает без следа очень быстро, но пока я здесь постараюсь дать ей все, что она захочет. Вот что он думал.

Хусто сидел в баре, куда ходили в основном кубинцы, на набережной напротив Касабланки³⁵. Он не имел никаких планов на этот день и ближайшую неделю. Турист из России не звонил ему уже три дня. Для него эти дни прошли дома; с включенным телевизором; с покачиванием на кресле-качалке; с открыванием и закрыванием пакета из-под сигар; с перелистываем дневников мотоциклиста³⁶; с белым ромом и песовым хлебом; с упущенной выгодой и сладкой дремотой днём.

Он смотрел на проходящих мимо туристов, на сидящих на парапете набережной гаванцев, на белые стены противоположного берега Канал де Энтрада. Хусто крутил свой стакан и думал. Думал о своей некрасивой подруге, которая давно не заходила к нему; думал, сам не зная зачем, об истории кубинского флага; думал о будущем своей страны, а именно о том, что станет с ней, когда Революция сгинет в небытие и страну захлестнет обозленная жестокая волна капитализма. Уже сейчас он чувствовал её гниlostный привкус. И если это происходит сейчас, когда лишь маленькие, еще робкие, ростки его пробиваются сквозь их коммунистические принципы, то что станет, когда всё изменится? Он не знал проклятие Конфуция, «что бы ты жил в эпоху перемен», но сейчас остро чувствовал на уровне ощущений эту мудрость.

Он вспомнил старую кубинскую пословицу: «Все само устроится». И он так хотел, чтобы всё так и было, и сейчас вспомнил свое детство, которое прошло в Санта Фе³⁷. В детстве и он знал, что так у всех, в детстве всё возможно и всё само происходит. Можно уютно устроиться даже на ступеньках дома и дышать временем, думая о море и небе. Он часто ходил на берег, а точнее каждый день, где проводил время, провожая взглядом корабли. Они приходили и уходили, а он хотел всё так же сидеть на берегу, прямо на песке, обхватив руками колени, открывать лицо ветру, щуря глаза и невольно улыбаясь.

Ещё он вспомнил фразу своего соседа, черного, как телефон, как говорят в Сантьяго, который приехал домой на новом Ситроен и сказал в обычной беседе на крыльце, обращаясь

³⁴ Корнетти е кафе – Cornetti e caffì (итал.) – Круассаны и кофе.

³⁵ «...напротив Касабланки» – Casablanca – район Гаваны, расположенный на другом берегу реки от района Гавана Вьеха. Обычный жилой район, в который удобнее всего добираться на пароме.

³⁶ «...с перелистываем дневников мотоциклиста...» – имеется в виду роман Че Гевары «Дневник мотоциклиста», который он написал еще до встречи с Фиделем, когда был студентом медицинского факультета.

³⁷ «...прошло в Санта Фе» – Santa Fe – спальный район Гаваны, находится за Бухтой Хэмингуэя. Знаменит свои художником – Фусто.

к женщине, которая жила в одном доме с Хусто: «У меня новая машина. Теперь я белее, чем ты, соседка».

На Гавану внезапно, как и каждый день, спустилась ночь. Зажглись огни на том берегу. Хусто подошел к парапету. Дул сильный ветер и волны бились о каменную набережную, поднимая такие брызги, что вода то и дело переливалась через парапет. Он не боялся, что океан окатит его с ног до головы. В этот момент он вообще ничего не боялся.

Я решаю изменить тактику. Если ни старая Гавана, ни памятные места Революции и уж точно ни дом Хэммингуэя не открывают мне истинного лица Кубы, то те люди, что приехали сюда из Союза, вышли замуж или женились, родили детей или уже нянчат внуков, наверняка знают об этой стране все. Мне посоветовали обратиться к женщине, которая живет здесь уже тридцать пять лет и уж она-то точно знает ответы на мои вопросы.

Сидим вдвоем друг напротив друга. Оба курим Креольские. Только я не затягиваюсь – слишком крепкие. Нина Сергеевна сварила кофе и он разлит в скромные советские чашки. Нина Сергеевна – вахтер в русской школе. Она помнит много: дружба Советов и Кубы; счастливое время, когда все было; голодное время, когда ничего не было и всей улицей собирались варить суп – каждый приносил то, что у него есть и бросал это в общий котел; новое время, когда совсем недавно кубинцам разрешили оформлять на себя автомобиль или покупать и продавать недвижимость, заниматься мелким предпринимательством.

Она рассказывает, а я слушаю её, будто читаю учебник по истории для школьников. Всё, что я слышу, такое черно-белое, как в американском фильме. Здесь вообще много американского: номерные улицы, закрытые клубы тридцатых; автомобили пятидесятых; любовь к бейсболу и гамбургерам. Я хочу спросить напрямую «Какие они, кубинцы?», но понимаю, что на этот вопрос она мне не ответит. Сухая от тропического солнца и гордая, как отряд революционеров, она не станет говорить того, что испортит моё впечатление от «лекции» по новейшей истории Кубы. Она не будет врать или обманывать, но она не будет говорить всё.

Допив терпкий кофе и докурив очередную сигарету, я останавливаю Нину Сергеевну и задаю, на мой взгляд, ключевой вопрос: «Вы бы вернулись?» Повисла пауза, её сухое лицо обращено на меня, глаза смотрят, выжидая. Она затягивается медленно выдыхает дым, будто давая себе ещё немного времени на обдумывание ответа. «Нет» – говорит она: «Мне не к кому ехать. Вся моя жизнь здесь». Если у меня и были ещё вопросы, то после этих слов они сами собой испарились. Я благодарю Нину Сергеевну и ухожу прочь, оставив ей на память десятирублевую монету с изображением ракеты на аверсе.

Я ждал Белинду во «Флоридите». Дайкири папа³⁸ оказался слишком крепким для столь жаркого дня. Поэтому я пил не спеша и так же неспешно анализировал свои записи в журнале. Что теперь я знаю о кубинском обществе? Эти люди нуждаются? Если да, то только не в деньгах, хотя вся эта система с куками или как они говорят, сиуси, здорово подорвала их моральный облик. Они счастливы? Они счастливы, когда звучит их музыка, рядом танцуют их женщины и есть ром. Они хотят перемен? По некоей статистике девяносто процентов населения хотели бы уехать из страны, вот только я почему-то встречаю либо тех, кто не хочет уехать, либо тех, кто вернулся. Где же эти девяносто процентов? Ну да ладно. Видимо, не понять мне кубинскую душу и тонкости местного режима. Остается наслаждаться, благо есть чем. Вот скоро придет Белинда и мы отправимся с ней гулять по Гаване. А может быть у неё будет игривое настроение и она заставит меня поехать сначала домой, на Малекон, а уже потом гулять по Гаване. Ох уж и горячая штучка эта Белинда. Клянусь, её прикосновения обжигают. И взгляд тоже.

³⁸ «Дайкири папа...» – коктейль, который подают только в ресторане «Флоридита». Отличается от обычного дайкири уменьшенным количеством сиропа и увеличенным количеством рома. По легенде его автором являлся Хэммингуэй.

А ведь она и есть воплощение новой Кубы. Но она уже не думает о социалистических идеалах, о преданности революции и прочей идеологии. Она просто живёт. Наверняка берёт займы продукты у соседей, потому что в магазинах пока нет; мечтает о вещах из брендовых долларовых магазинов и будет радоваться, словно ребёнок, если ей такую вещь купить; танцует, поёт, сама немного играет; мечтает о лучшей жизни, хотя и не знает что это значит, но раз все мечтают, то и она тоже; и смотрит на горизонт с парапета на Малеконе, а я обычно в этот момент лежу на этом парапете, положив голову ей на колени, и дремлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.